
УРОКИ ИСТОРИИ

УДК 94(470+571)
ГРНТИ 03.23.55

КРАХ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В ОЦЕНКЕ ОЧЕВИДЦЕВ

Г.А. Порхунов

*Омский государственный педагогический университет
Россия, 644043, г. Омск, наб. Тухачевского, 14*

Автор уделяет внимание причинам падения российской монархии. При этом использует констатацию фактов, подкрепляя её свидетельствами современников. Он считает, что такое освещение является более объективным, чем выдвигание различных версий и комментарии историков, политиков, утративших доверие общества. И хотя многие факты нам известны, приводимые в публикации оценки видных политических и военных деятелей, дипломатов, чиновников станут яркой иллюстрацией смены власти. Это нужно прежде всего молодым поколениям.

Ключевые слова: российское самодержавие, революционная ситуация, Николай II, народ, Русско-японская война, Первая мировая война, история и политика.

COLLAPSE OF THE RUSSIAN AUTOCRACY THROUGH EYEWITNESS ACCOUNTS

G.A. Porkhunov

*Omsk State Pedagogical University
Russia, 644043, Omsk, nab. Tukhachevskogo, 14*

The author pays attention to the reasons for the fall of the Russian monarchy. At the same time, he uses the statement of facts, backing it up with the testimonies of his contemporaries. G.A. Porkhunov believes that such coverage is more objective than the various versions and comments of historians and politicians who have lost public trust. Although we know many facts, the assessments of prominent political and military figures, diplomats, and officials cited in the publication will be a telling illustration of the shift of power. This is necessary, first of all, for the younger generations.

Keywords: Russian autocracy, a revolutionary situation, Nicholas II, people, Russo-Japanese war, World War I, history and politics.

Владыка! Вам венец и трон
Даёт Закон — а не природа.
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
А. Пушкин

Охранительная политика российского самодержавия стала предметом особой заботы для представителей династии Романовых. Русские цари, начиная с Михаила Фёдоровича (1613), в той или иной степени укрепляли устои русской монархии и её самодержавный строй, подавляя ростки революционного движения. Не был исключением и период

1825–1917 годов, в который из династии Романовых в управлении страной участвовали четыре её православных правителя: Николай I, Александр II, Александр III, Николай II. Николаю I пришлось пережить роковой день 14 декабря 1825 года, в который он стал императором ценой пролитой крови своих подданных. Николай II довёл своё правление

до отречения от престола. Остановимся на самых трагических и судьбоносных для государства страницах.

17 января 1895 года Николай II, принимая в Зимнем дворце депутацию от дворян, земств и городов, отверг пожелание либеральной буржуазии участвовать в делах внутреннего управления, заявив: «Пусть все знают, что я буду охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель» [1, с. 117].

Николай II вступил на престол с твёрдым идеологическим обоснованием своего предназначения, которое ему внушил руководитель учебными занятиями обер-прокурор святейшего Синода К.П. Победоносцев, убеждавший его в божественном происхождении самодержавия, неограниченности царской власти. Продление существования строя «зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии... Малейшее тёплое дуновение весны и всё рухнет» [1, с. 104]. В идеологическую твердь свою лепту внёс и редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков. В статье, посвящённой совершеннолетию наследника, редактор предостерегал его быть на троне человеком. На троне «все побуждения и требования человеческой природы» должны «умолкнуть», подчиниться государственным обязанностям. Величие царского призвания несовместимо с ними» [1, с. 119].

Коронация Николая II состоялась 18 мая 1896 года. Второй день коронации посвятили раздаче подарков простому народу. Губернатор Москвы, дядя царя, великий князь (в. к.). Сергей Александрович, определил для этой цели учебный плац войск Московского гарнизона на Ходынском поле, вдоль и поперёк изрезанный траншеями и рвами. Толпа двинулась за коронационными сувенирами — кружками с гербом Дома Романовых и бесплатным пивом. Помост сломался, и многие, среди них женщины и дети, стали падать во рвы. Толпа бежала по головам упавших. Люди топтали друг друга. Сотни людей погибли, тысячи были ранены. По официальным данным, погибли 1389 человек, получили увечья — 1300. Москва была в трауре, а царь с царицей отправились на бал во французское посольство. «Сияющая улыбка на лице в. к. Сергея заставляла иностранцев высказать предположение, что Романовы лишлись рассудка, — писал впоследствии в. к. Александр Михайлович, дядя Николая II [2,

с. 316]. «По моему удивлению, празднества не были отменены, а продолжались по программе, — отмечал С.Ю. Витте, — вообще всё имело место, как будто бы никакой катастрофы не было... решено было случившуюся ужасную катастрофу как бы не признавать, с нею не считаться» [1, с. 67–68]. «Это воля Божия, испытывающая нас жестоко, — оправдывала случившееся на Ходынке Мария Фёдоровна, мать Николая II. — Он знает, для чего это делает, и мы должны нести наш крест, не спрашивая о причинах» [2, с. 316]. Правоверные христиане дома Романовых свалили свои грехи на Бога, только народ не простил своему царю Ходынки. «...час расплаты ждёт, — писал поэт К. Бальмонт. — Кто начал царствовать Ходынкой, тот кончит, став на эшафот» [2, с. 318]. Пророческие слова!

Мать, а затем и жена Николая II взяли на себя обязанности помогать ему в управлении Россией. Одной из причин со-управления было то, что мать знала: её сын Николай слаб и даже в чём-то ленив. Он часто говорил: «Надо спросить у матушки». Не лучше были и другие возможные кандидаты на престол из дома Романовых. Когда в 1902 году Николай II заболел брюшным тифом, и можно было опасаться летального исхода, наследником был объявлен его брат Михаил, у которого, по словам Марии Фёдоровны, «ещё меньше воли и характера, чем у Николая» [2, с. 321]. Что это, если не вырождение династии, неспособность её представителей достойно управлять страной?

Первые годы XX столетия ознаменовались в России общенациональным кризисом. Оппозиционное к царизму движение охватило всю страну и всё более наполнялось политическим содержанием. Даже «Религиозно-философское собрание», разрешённое Синодом в 1901 году, просуществовало недолго, и в апреле 1903 года синодальная власть его запретила из-за «резкости и остроты» выступлений богословов, философов, представителей духовенства. Писатель Д.С. Мережковский встретился с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым по проблемам собрания, который объяснил ему заботу правительства о спокойствии страны: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек». Д.С. Мережковский возразил довольно смело, что «не он ли, не они ли сами устраивают ледяную пустыню для России» [3, с. 8–9].

За четыре года XX века царизму пришлось усмирять 670 крестьянских выступлений. В 1901–1904 годах бастовало свыше 500 тысяч рабочих. Численность войск, участвующих в подавлении восстаний, превысила 10 тысяч солдат и офицеров.

Как предотвратить надвигающуюся революцию? В.К. Плеве, министр внутренних дел, считал, что для этого «нужна маленькая победоносная война». Такая возможность не заставила себя ждать. Ещё в конце XIX века империалистические государства начали борьбу за раздел Китая. В этой борьбе участвовала и Россия, которая вынудила Китай передать ей Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур. Россия добилась права строить железные дороги на китайской территории. Была построена железная дорога в Северной Маньчжурии — Китайская восточная железная дорога (КВЖД) и введены русские войска для её охраны. Теперь царское правительство свои интересы ищет в Корее, но сталкивается с Японией, которая также стремится заполучить себе Корею и Маньчжурию. Более того, Японию поддерживала Англия, которая совсем не была заинтересована в усилении России на Дальнем Востоке. Япония протестовала против русских захватов в Корее и требовала эвакуации русских войск из Маньчжурии к концу 1903 года. Не добившись уступок, японское правительство в январе 1904 года разорвало дипломатические отношения с Россией и в ночь на 27 января без объявления войны развернуло военные действия под Порт-Артуром. Желанная война царского правительства для укрепления своего политического положения и преодоления революции стала явью.

Россия смотрела на Восток с мечтой, что маленькая победоносная война с Японией остановит революцию в стране. Надежды не оправдались, японцы разгромили царскую армию в ряде сражений, а большая часть русского флота была потеряна, война проиграна. Россия высказалась за мир. Как итог — к концу 1904 года, по словам нового министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского, заменившего убитого эсерами В.К. Плеве, Россия превратилась в бочку с порохом и была доведена «до вулканического состояния» [4, с. 342]. В результате заключённого с Японией мира Россия потеряла Порт-Артур и Дальний, южную ветку КВЖД. В этой войне Россия продемонстрировала военно-

экономическую отсталость и расплатилась дорогой ценой.

Война показала, что царь Николай II не имел достаточной подготовки для управления Россией, но уверовал в своё право править, не обладая для этого достаточными знаниями. Генерал М.И. Драгомиров острит: «Бьём японцев образами наших святых, а они нас лупят ядрами и бомбами. Ничего себе война весёленькая — японо-макаки, а мы кое-каки» [5, с. 192]. Иконы Николаем II отправлялись на фронт целыми вагонами, но они не могли заменить пушки и пулемёты. На известие о падении Порт-Артура царь реагировал спокойно: «на то, значит, воля Божия» [5]. Японцы разбили не русскую армию, а «мальчишеское управление 140-миллионным населением в последние годы», — отмечал С.Ю. Витте в письме к царю [6, с. 44]. Такую правду царь редко когда слышал.

В войне с Японией людские потери составили около 400 тысяч человек убитыми, ранеными, пленными и больными. Война обошлась России более 2 миллиардов золотых рублей прямых военных расходов [5, с. 190]. Это ещё более усугубило социальное положение в стране. В России началась революция. Царское правительство получило возможность вернуть армию в пределы Центральной России и использовать её в борьбе с восставшим народом. 8 января 1905 года император записал в дневнике: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Количество забастовавших определяется в 120 000 человек. Во главе какой-то священник-социалист Гапон» [7, с. 42].

Делегация демократической интеллигенции столицы, в которую входили видные учёные, писатели, общественные деятели, вечером 8 января 1905 года явилась к министру внутренних дел П.Д. Святополку-Мирскому, чтобы предупредить возможное избиение людей. Министр делегацию не принял. Тогда представители интеллигенции направились к председателю кабинета министров С.Ю. Витте, который на их заявление ответил: «Мнение правящих сфер непримиримо расходится с вашими, господа» [8, с. 27]. По свидетельству участника встречи А.М. Горького, Витте скрасил свой ответ информацией, что «министры Святополк-Мирский и Коковцев лучше знают о положении дел, и уже приняты меры, что сам царь должен быть осведомлён» [9, с. 199].

9 января рабочие Петербурга с пением пошли к Зимнему дворцу искать у царя правду и защиту. В петиции к царю, предлагавшей меры против народной нищеты, говорилось:

«Для нас пришёл тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. Не лучше ли умереть всем нам — трудящимся всей России? Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. <...>

Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой, а не повелишь — мы умрём здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем» [7, с. 38–42].

Двинувшиеся массы народа к Зимнему дворцу были встречены солдатами, которые стреляли на поражение боевыми патронами. Сотни людей были убиты, ещё больше ранено. Николай II указал народу свой путь, запечатлев в его глазах на вечные времена своё имя — «кровавый». Это был его выбор. «Тяжёлый день, — лицемерно писал он в своём дневнике. — В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых» [7, с. 43]. А народ верил царю, думал, что он не знает о бедственном положении подданных. Фабрикант Савва Морозов о событиях 9 января отозвался резко негативно:

«Царь — болван. Он позабыл, что люди, которых с его согласия расстреливают сегодня, полтора года назад стояли на коленях перед его дворцом и пели “Боже, царя храни”. Да, теперь революция обеспечена... Годы пропаганды не дали бы того, что достигнуто Его Величеством в один этот день» [10].

В сумерках 9 января полицейские (жандармы) подбирали трупы. Убитых сваливали в погребца госпиталей и потом несколько дней хоронили тайком от населения. Ф.М. Лурье писал:

«В этот день пролилась кровь людей, доведённых нуждой и издевательством до отчаяния, не замышлявших насилия и беспорядков. От крови, пролитой в этот день, по-

шёл новый отсчёт истории, с новым её пониманием. Правда, к которой люди шли долгим мучительным путём, вдруг отрылась им в один день: царь вовсе не отец родной, вовсе не добрый. Царь — первый враг трудового народа, царь — изверг, окруживший себя слугами, способными погубить и себя и Россию» [11, с. 7–8].

В ответ на насилие властей рабочие столицы взяли за оружие, стали строить баррикады. Пролетариат России их поддержал стачками, в которых только в январе 1905 года участвовали 440 тысяч человек в 66 городах [9, с. 199]. Революция началась. О нарастающих событиях начавшейся революции Мария Фёдоровна пишет из Дании, где она находилась в 1905 году: «Какие ужасные вещи случились у вас! Просто не верится... Народ России находится в руках злого духа. Все кругом бунтуют — как им не стыдно! Бедный сын... как мало у него удачи в людях» [2, с. 322]. А сын после расстрела мирного шествия в Царском Селе упрямо твердит: «Я верю в истинные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю вину их». Посему «маленькая сказочная страна Царское Село может спать спокойно на краю бездны... под звуки гимна “Боже, царя храни”», — писал царский врач Боткин [2, с. 377].

Остановились фабрики, все военные заводы Петербурга и его окрестностей. 12 января город был объявлен на военном положении. Подвиги в сознании происходят не только у рабочих и крестьян. Активно проявляет себя демократическая интеллигенция. Волнениями охвачены армия и флот. «У нас нет царя!» — провозглашают восставшие.

В ноябре 1905 года восстали моряки крейсера «Очаков». На суде лейтенант П.П. Шмидт, руководивший восстанием моряков, обвинил самодержавие в угнетении народа. «Я выполнил долг свой, — сказал он, — и если меня ждёт казнь, то жить среди народа, которому изменил бы я, было бы страшнее самой смерти» [12]. «Его, конечно, придётся расстрелять», — писал Николай II матери. Та отвечает: «Надеюсь, что с Шмидтом покончили, с такими канальями церемониться не надо» [13]. Но канальи не перевелись, и 14 июня 1906 года восстали матросы на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический», на что царь реагировал уже панически и приказал применить к восставшим матросам «самые жёсткие меры» и крепко наказать начальников. Реак-

ция Николая II на восстания матросов «Очакова», «Потёмкина», а также на волнения матросов в Свеаборге, Кронштадте, солдат в Полтаве и Туркестане, всех, кто выступает против его властных установлений, была нервной, но решительной. «Хорошо бы утопить всех революционеров в море» [7, с. 94]. Утопили, но только в море крови.

Не мог не сознавать царь, что его опора, армия, была поколеблена. Надо искать политическое решение выхода из революционной ситуации. Помочь решается С.Ю. Витте, в начале октября 1905 года подавший записку Николаю II с планом преобразований в стране. Он обращает внимание царя на опасность революционного развития событий, которые «всё сметут, всё повернут в прах. Какой выйдет Россия из беспримерного испытания — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти всё то, что было в истории» [14, с. 425].

В октябре 1905 года началась всеобщая политическая стачка. Развернулись баррикадные бои с войсками. Борьба нарастала. 14 октября генерал-майор Д.Ф. Трепов, губернатор столицы, приказал солдатам «холостных залпов не давать, патронов не жалеть» [11, с. 41]. Дальнейшие события перепугали царя. Он готов был покинуть Россию. Германским императором была послана к берегам России подводная лодка «Ёрш» и два миноносца для спасения царя и его семьи. Николай II принимает командиров миноносцев и подводной лодки, которые «уже пятый месяц торчат против наших окон», — отмечает он в своём дневнике [4, с. 353]. Обошлось! Под давлением народа царь пошёл на уступки. В. к. Николай Николаевич, вызванный в Петербург, заявил министру двора В.Б. Фредериксу: «Надо спасать государя! Если он сегодня (17 октября 1905 года) не подпишет манифест, то я застрелюсь в его кабинете! Если я сам этого не сделаю, то ты обещаешь застрелить меня» [15, с. 44].

17 октября царь подписал манифест, в котором провозглашались основы гражданских свобод. Невелика была цена манифесту, если даже генерал жандармов П.Г. Курлов обоснованно считал, что «текст манифеста 17 октября 1905 года заключает в себе лишь обещания будущих законов. Его нельзя было обнародовать, не выработав детально тех законов, обещания которых он содержит» [16, с. 61]. А так его можно и не исполнять, что позже и произошло. Тем не менее для царя это

был знак. Он осознал, что наступает конец неограниченной монархии: «Я чувствую, что подписав этот акт, я потерял корону, теперь всё кончено» [17, с. 73].

Сам по себе манифест был шагом на пути превращения самодержавия в конституционную монархию. Царь паникует, но политический манёвр ещё не исчерпан. Для удержания власти он использует силу и напрочь «забывает» об обещаниях, данных в манифесте. Даже октябристы на своём совещании в январе 1906 года отмечали, что Манифест 17 октября 1905 года почти по всем пунктам не выполняется. К примеру, «Закон о свободе печати» действительно издан, но, по замечанию ЦК октябристов, «в настоящее время 150 редакторов уже посажены в тюрьму» [18].

Либералы назвали манифест конституцией. А о чём говорит его автор? Граф С.Ю. Витте наставляет А.И. Гучкова и Д.Н. Шипова, которые должны принять участие в составлении проекта избирательного закона о Государственной думе: «...в числе аргументов, которые вы будете проводить, вы не указывайте на то, что Манифест 17 октября уже предпринимает введение конституционного образа правления в России и что этот манифест уже связывает верховную власть, как что-то уже сделанное» [19, с. 186–211]. Это понимал не только С.Ю. Витте. Газета «Сусанин» Красноярского отдела партии «Союз русского народа» отмечала: «Никакой конституции Манифест 17 октября не устанавливал. Русь, как и прежде, управляется самодержавной властью русского царя» [20].

Революция в декабре 1905 года достигла своего подъёма. В стране началась вооружённая война царя со своим народом. Беспощадность Николая II не знала границ. Его сподвижники жаждали крови. В декабре 1905 года барон Медем в письме к московскому генерал-губернатору Дубасову рекомендует «захваченных дружинников, не подвергая задержанию, предавать смерти», а генерал Шейдеман требует «пройти Пресню, истребляя всех, не арестовывать никого». Аналогичные наставления солдатам в приказе полковника Мина. Им вменялось «арестованных не иметь, пощады не давать» [5, с. 125].

В декабре 1905 года военный министр рассылает командующим военными округами секретный циркуляр с требованием без всяких колебаний прибегать к употреблению оружия

для прекращения беспорядков. А следом — директиву, в которой говорилось, что «аресты теперь не достигают цели, а судить сотни и тысячи людей невозможно» [5, с. 128]. Властям вменялось в обязанность «немедленно истреблять силой оружия бунтовщиков в случае сопротивления или сжигать их жилища. Такими средствами царь российский боролся за право и дальше править своими подданными. Командующий гвардией и войсками Петербургского военного округа, дядя царя в. к. Владимир Александрович, считал, что лучшее лекарство от народных бедствий — это повесить сотню бунтовщиков [4, с. 351].

Поднялась Сибирь. 19 января 1905 года в Томске состоялась вооружённая манифестация. Много пострадало студентов. В городе закрылись магазины, банки, почта, университет и технологический институт. Развернулась подготовка всеобщей стачки рабочих и служащих по линии Сибирской железной дороги. Министр внутренних дел П.Н. Дурново в телеграмме в войска Сибирского военного округа 3 января 1905 года требовал «избегать арестов и истреблять мятежников на месте или немедленно судить военным судом и казнить». Такими решительными мерами предполагалось «сокрушить мятеж так, чтобы больше никогда ничего подобного не повторилось» [21, с. 94].

О революционном движении среди служащих Сибирской железной дороги с беспокойством сообщал начальник Омского жандармского отделения. Оно не уменьшается, «а достигает апогея... Первоначально подкладка была экономическая, ныне — чисто революционная. Вооружаются и призывают к общему вооружённому восстанию, низвержению царя и правительства» [22]. Боевые дружины были созданы в Омске, Томске, Барнауле, Новониколаевске, Красноярске, Чите. Организовалась группа омских офицеров. В своей листовке «От офицеров к солдатам» они заявили:

«...царь и его правительство — враги и мучители народа... Когда царь и царское правительство посылает нас против народа, мы не должны поднимать своего оружия против своих же братьев. Довольно же быть палачами! Будем же, товарищи солдаты, с народом и за народ!» [23].

Согласно Манифесту от 17 октября 1905 года царь вынужден был созвать Государственную думу, оговорив своё решение

тем, что Думу созывает не для того, чтобы она «мне указывала, а для того, чтобы советовала». Первая Государственная дума начала работать 27 апреля 1906 года. Это была Дума народных надежд. Крестьяне говорили своим избранникам: «Иди и умри там со славой, иначе умрёшь здесь со стыдом» [24, с. 362]. Главным в Думе стал аграрный вопрос. Правительство отвергло требование крестьян об уничтожении частной собственности на землю. Надежды не оправдались, царь в июле 1906 года Думу распустил. Даже законопроект, разработанный премьер-министром того времени С.Ю. Витте, об отчуждении части помещичьих земель за выкуп государством был отвергнут императором. На проекте появилась резолюция Николая II: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной» [25, с. 14]. Но были сторонники этого проекта и в среде землевладельцев. С.Ю. Витте говорил: «Я сам помещик и буду весьма рад отдать даром половину моей земли будучи убеждён, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину» [Там же]. То же заявила и часть сановников.

Не решила земельную проблему и Вторая Государственная дума — Дума народного гнева. Теперь крестьяне через своих представителей в Думе требовали конфискации помещичьих земель и национализации всей земли. Это было слишком радикально. В «Письме от русских крестьян» Николаю II говорилось о нежелании царя решать вопрос о земле. «Ты ничего не знаешь, ничего не слышишь, ничего не хочешь понимать. Тогда ты не царь, а злодей и антихрист, враг народа русского» [26, с. 135–138]. Обстановка накалялась. Царь и правительство Думу не почитали. Барон Фредерикс, министр двора императора Николая II, наблюдая за противоборством Думы и правительства, сказал: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье» [27].

Царю нужна была послушная Дума. Указом П.А. Столыпина, нового председателя Совета министров, 3 июня 1907 года II Государственная дума была распущена. Этим же указом вводился новый закон, который в Думе давал преимущество помещикам и буржуазии. По сути своей это был государственный переворот. 16 ноября 1907 года П.А. Столыпин в Думе сделал заявление, что «правительство решило силой положить конец беспорядкам в

стране». По крестьянской проблеме было сказано: «Если крестьяне производят беспорядки потому, что у них мало земли, так пусть они знают, что частная собственность неприкосновенна, и что земли поэтому им не дадут без выхода из общины» [28]. Одновременно Столыпин ввёл жестокое подавление революции. По стране вводится положение чрезвычайной охраны, военно-полевые суды стали выносить смертные приговоры, появились виселицы. Столыпин с революцией боролся так усердно, что заслужил в народе страшное прозвище «вешатель», а верёвочную петлю на виселице окрестили «столыпинским галстуком». Революция в стране шла на убыль, не решив своей основной задачи — уничтожения самодержавия, но всё же основательно подорвала устои феодально-крепостнического строя.

Департамент полиции России сохранил для потомков сведения о смертных казнях в стране за 1905–1908 годы. Общее количество казнённых за этот период, выступавших против антинародной политики царского правительства, достигло 4288 человек.

Поражение революции укрепило уверенность царя, что всё пойдёт по-старому. Выводы не были сделаны. В стране торжествовала реакция. Безнаказанность властей привела к трагедии 4 апреля 1912 года. В этот день рабочие на Ленских приисках предприняли попытку дойти до прокурора, чтобы предъявить ему свои жалобы, но были расстреляны воинской командой. Погиб 191 рабочий, 210 человек было ранено [15, с. 233]. Этот расстрел также имел отношение к дому Романовых. В числе держателей акций Ленского прииска была вдовствующая императрица Мария Фёдоровна (мать Николая II). Министр внутренних дел А.А. Макаров не смог осудить свершившееся преступление, заявив, что «так было — так будет». Такое заявление в народе вызвало взрыв возмущения, и не удивительно. Само министерство воспринималось в народе как орган русского бесправия и произвола.

В стране назревала предреволюционная ситуация. «Правительство всё мельчает и мельчает, — говорил С.Ю. Витте. — Прежде министров ненавидели, а теперь презирают. Прежде правительство не любили, но с ним считались, а теперь над ним смеются, но смеются злобно, стараясь его придушить» [1, с. 232]. Посол Франции в России М. Палеолог свидетельствовал в те годы:

«Русский исполин опасно болен. Один из самых тревожных сигналов — это глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Не существует никакой связи между этими двумя группами — их как бы разделяют столетия» [29, с. 63].

Царь опасности не ощущал. Он в 1913 году праздновал 300-летие царствующего Дома Романовых. В церквях торжественно провозглашалось «многие лета». По городам и сёлам звучал гимн России — «Сильный, державный... царствуй на страх врагам».

***

Наступил трагический 1914 год. В мире усиливаются противоречия, основные из которых обозначились между Германией и Англией. Последняя владела колониями, значительно превосходившими германскую колониальную империю. Статс-секретарь по иностранным делам Германии Б. Бюлов в одном из выступлений в рейхстаге в декабре 1897 года заявил, что Германия требует себе «место под солнцем». Германское правительство требовало места под солнцем, когда этих мест не осталось, а расширить свою империю оно могло лишь за счёт других колониальных держав и прежде всего за счёт Британской империи. Англо-германское сотрудничество стало одним из узловых проблем мировой политики.

Русско-германские противоречия проявились, в основном, в таможенной войне — взаимное повышение пошлин на ввозимые товары. Если Германия значительно повышала пошлины на русский хлеб, а также на продукты животноводства, то Россия в ответ поднимала пошлины на ряд ввозимых из Германии промышленных товаров, в первую очередь на продукты химической промышленности, изделия из металла и машины.

Русское правительство беспокоила также перспектива захвата Германией черноморских проливов, которые для России имели большое экономическое и стратегическое значение. В предвоенные годы через Босфор и Дарданеллы вывозилось до 80 % русского хлеба, а Германия становилась на пути России к проливам. Экономические и политические интересы России ущемлялись на Балканах. Для России Балканы — кратчайший путь по суше к черноморским проливам. Для Германии Балканы — связующее звено с Турцией.

В этом районе экспансию проводила Австро-Венгрия. Германия её поддерживала.

У Франции с Германией давнишнее неприятие. Она стремилась вернуть районы Эльзаса и Лотарингии, отнятые Германией в результате франко-германской войны 1870–1871 годов. Противоречия интересов привели к образованию двух военных блоков в 1893 году: Россия и Франция с одной стороны; Германия, Австро-Венгрия, Италия — с другой, этот блок поддерживали Болгария и Турция.

В 1908 году Россия заключила договор с Англией, присоединившейся к российскому блоку. Особенность нового союзника заключалась в том, что с самого начала войны Англия заявила об отказе вести военные действия на западном фронте, пока не соберёт миллионную армию. До 1915 года в Англии не было всеобщей воинской повинности, и армия формировалась из волонтеров. Её участие в войне откладывалось на неопределённое время, а пока Англия готова бороться до последней капли крови русского солдата. Она берегла свои силы в ущерб России. И это не всё. Именно Англия была главным противником России на пути к проливам. К тому же Англия оказывала Японии помощь во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. А это не способствовало укреплению дружеских отношений между будущими партнёрами по Антанте. Выходит, заключая союзы с Францией и Англией, Россия по существу шла против собственных национальных интересов.

Формируются военные блоки, а в Европе нарастает революционное движение. В 1913 году крупные стачки рабочих проходили в Германии, России, Франции, Италии. Правительства этих стран не могли не считаться с возможностью революций. Председатель Совета министров В.Н. Коковцев в декабре 1912 года заявил, что «война неизбежно приведёт к революции» [30, с. 20]. Первая мировая война не несла в себе ни оборонительного, ни освободительного характера. Со всех сторон она носила несправедливый, захватнический характер, велась за передел мира. Одновременно господствующие классы воюющих стран стремились отвлечь трудящихся от революционной борьбы. Из участвовавших в войне стран хуже была подготовлена к войне Россия. Её промышленность не могла обеспечить армию всем необходимым для ведения боевых операций. Не хватало средств связи, винтовок, снарядов

и патронов, амуниции и медикаментов, даже провианта и курева. К тому же неразвитость транспорта не способствовала победам русского оружия.

Ещё в 1910 году профессор И.Х. Озеров, член Государственного совета, подверг критике бюджет, представленный В.Н. Коковцевым, в то время министром финансов. В частности, он сказал: «Народное хозяйство может расти не на нищете и обнищании масс, а на поднятии их благосостояния и культуры». В накоплении золота он видел ненужную нездоровую политику, ибо в стране недостаток капиталов, а в банках — избыток денег, не находящихся применения. Это противоречит развитию производительных сил. Россия отстала — «надо догонять другие страны, особенно Германию, так как её промышленное развитие более опасно для России, чем её армия и флот. Развитие экономической мощи России подняло бы и её военный престиж» [30, с. 25]. Это был трезвый экономически обоснованный анализ, но, вероятно, не для ушей членов Государственного совета. Выводы И.Х. Озерова были оставлены без последствий.

Национальное движение усилилось в славянских областях Австро-Венгрии, как, например, в Чехии и Галиции. Это вызвало у австрийских правящих кругов желание принять решительные меры для разгрома основного очага национального движения — Сербии. Предлог нашёлся. Вблизи сербской границы были назначены манёвры австрийской армии. Наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд торжественно въехал в город Сараево (центр Боснии, захваченный в 1908 году австрийцами). Въезд был приурочен к Дню всесербского национального траура. В 1839 году славянские страны Балканского полуострова, в том числе и Сербия, потерпели поражение от турок и на 500 лет попали в турецкую зависимость. Въезд эрцгерцога в Сараево был расценён в Сербии и славянских землях австрийской монархии как сознательная провокация со стороны Австрии. Франц Фердинанд с супругой были убиты в Сараево 28 июня 1914 года членом организации «Молодая Босния» Гаврилой Принципом.

23 июля 1914 года властями Австро-Венгрии был направлен ультиматум правительству Сербии, который затрагивал суверенитет и достоинство этой славянской страны, означавший вмешательство во внутренние дела, и был отклонён. Вильгельм II, импера-

тор Германии, одобрил такое поведение Австро-Венгрии: «Браво! Признаться, от венцев подобного уже не ожидал» [31, с. 212]. — И признался одному австрийскому офицеру: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их» [32, с. 122].

28 июля 1914 года австрийское правительство объявило войну Сербии. Россия не осталась равнодушной к её участи. 29 июля Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. В ночь на 1 августа 1914 года правительство Германии объявило войну Российской империи. На следующий день вышел указ Николая II о главнокомандующем войсками: «Признали мы за благо всемилостивейше повелевать нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть верховным главнокомандующим» [33, с. 13].

Главнокомандующий назначен, а правительство не знает, как к войне подступиться. Даже немецкий кайзер Вильгельм II считал, что «Россия вовсе к войне не готова и должна будет долго подумать, прежде чем возьмётся за оружие» [24, с. 150]. Это была правда. Сам Николай II не раз говорил своим приближённым, что не допускает и мысли о войне, потому что мы к ней не готовы. «Наша неготовность к войне и плохое состояние всей нашей воинской организации, — заявил В.Н. Коковцев, председатель Совета министров, на совещании у царя, — заставляет нас не шуметь и бряцать оружием, а быть осторожными и сдержанными» [30, с. 187].

Россия вступила в войну, которой народ не хотел и которой боялся. Цели её большинству были недоступны. «Война, война! Неготовыми застала. Ни души, ни тела не перестроила, а просто на посмех всем странам погнали силу сермяжную, а разьяснить — не разьяснили. Жили, мол, плохо, не баловались, так и помирать могут ни за что», — записала сестра милосердия Софья Федорченко рассуждение одного из солдат [34, с. 72]. По приказу царя накануне войны было запрещено воинским чиновникам вести разговоры на политические темы, разьяснять солдатам причины или цели войны. Об этом им знать не полагалось. Генерал А.А. Брусилов отмечал:

«Нравственную подготовку народа к неизбежной европейской войне правительство не только упустило, но и не допустило.

Если бы в войсках какой-нибудь начальник вздумал объяснить своим подчинённым, что наш главный враг — немец, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если бы школьный учитель мог это преподавать — он был бы сочтён опасным... революционером» [35, с. 87].

В день заводы России давали 13 тысяч снарядов, а армия нуждалась в 45 тысячах [36, с. 110]. И ещё одна беда преследовала русскую армию — воровство и коррупция. Собрав поставщиков армии на первое заседание, главнокомандующий, в. к. Николай Николаевич, начал с того, что попросил их: «Только без воровства, господа!» [32, с. 309].

Для России война началась Восточно-Прусской операцией. В конце 1914 года Николай Николаевич приказал командующему Северо-Западным фронтом разбить германские войска и овладеть Восточной Пруссией. Идея операции — охват группировки противника с обеих сторон. Первая русская армия под командованием генерала П.К. Ренненкампа должна была наступать в обход Мазурских озёр с севера и отрезать немцев от Кёнигсберга. 2-й армии под командованием генерала А.В. Самсонова предстояло вести наступление в обход озёр с юго-запада, не допуская отвода германских соединений за Вислу. Мыслилось, что так противник попадёт под двойной удар.

Необходимость проведения Восточно-Прусской операции мотивировалась стремлением поддержать французов ввиду готовящегося против них наступления германских войск. Французский посол умолял Николая II помочь стране, убеждая, что французская армия не сможет противостоять 25 германским корпусам. Он просил царя «предписать войскам перейти в немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной, и тогда вся масса германцев обратится против России» [37, с. 23]. Россия пошла на смелый шаг, изменив свои стратегические планы, и ввела в Восточную Пруссию две русские армии, не отобилизованные и не подготовленные. Кайзер Вильгельм II вынужден был замедлить поход на Париж. Германское главное командование перебросило на Восточный фронт гвардейский корпус и 11-й стрелковый полк с 2-й кавалерийской дивизией [38, с. 11].

Русские войска своими активными действиями отвлекли на себя значительную часть противника с Западного фронта. России

удалось спасти Париж, положив почти всю кадровую армию. Потери были значительные, особенно пострадала 2-я армия генерала Самсонова, которая не имела даже карт и шла без ориентира. Да и сам штаб армии формировался на ходу. Участь солдат была ужасна. «Армейские корпуса не имели ни хлеба для людей, ни овса для лошадей. Сотни тысяч русских солдат нашли свой конец в бездонной трясине, раненые истекали кровью, но бинтов, чтобы перевязать их раны, не было» [39, с. 288].

31 августа 1914 года Николаю II доложили, что армия Самсонова полностью разгромлена, на что царь ответил: «Мы должны были пойти на эту жертву ради Франции, нашего вернейшего союзника» [39, с. 290]. Пройдёт немного времени, и посол Франции в России М. Палеолог заявит: «Франция вступила в войну для защиты России» [37, с. 51]. А кто спасал Францию летом-осенью 1914 года? Всё забыто.

К концу 1914 года русская армия ощущала острую нехватку вооружения, снарядов, винтовок, обуви, униформы, всего, необходимого для войны. А.И. Деникин вспоминал:

«Собственно, уже в конце 1914 года обнаружился острый недостаток снарядов и патронов, но беспечный и невежественный военный министр Сухомлинов умел убеждать государя, Думу и общество, что “всё обстоит благополучно”. И к весне 1915 года окончательно назрел страшный кризис вооружения, и особенно боевых патронов... Мы не могли отвечать, нечем было... Полки, измученные до последней степени, отбивали одну атаку за другой штыками или, в крайнем случае, стрельбой в упор» [40].

Царский режим полагался на своего военного министра В.А. Сухомлинова, который о войне отзывался так: «Какая война была, такой и осталась... взять меня, к примеру. За последние двадцать лет я не прочёл ни одного военного учебника». В 1913 году он уволил пять преподавателей, которые распространяли «порочную ересь» «огневой тактики» [32, с. 109]. Такая «забота» об армии приводила к большим жертвам в войсках. За поставленные союзниками в Россию артиллерию и снаряды царь торговал жизнью русских солдат. Был сформирован «русский легион» и направлен во Францию. Французское командование бросало его в самые гибельные, горячие места наравне с «туземцами» — сенегальскими стрелками.

К поражениям на фронте прибавилась разруха в тылу. Ухудшалось экономическое положение рабочих. Из деревни война вырвала до 50 процентов работников. Сокращались посевные площади, снижалась урожайность. Осенью 1915 года армия получала половину продовольственной нормы. Этот год показал вопиющую трагедию развала экономики страны и бездействие властей. Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко обратился к председателю Совета министров страны И.А. Горемыкину: «В армии нет сапог, люди обматывают ноги палатками... У нас нет сапог... У нас снарядов нет. Вы воображаете, что сможете один (без народа) воевать, а кончится дело плохо». Реакция И.Л. Горемыкина: «Мой милый, это же не моё дело!». М.В. Родзянко: «За одно это вас нужно прогнать. Разве можно, чтобы первый министр о гибели страны, о расстройстве финансов, о разрухе, о расстройстве транспорта говорил, что это не его дело?» [37, с. 76].

Правительство оказалось неспособным организовать снабжение армии всем необходимым. Генерал М.В. Алексеев сообщал М.В. Родзянко, что доставка в армию продовольствия совсем не организована, не хватает сапог, и опасается, как бы не прекратилась поставка снарядов. От плохого питания на Северном фронте, ближайшем от столицы, среди солдат распространилась цинга [41, с. 154]. Генерал Н.Н. Головин свидетельствовал:

«Я помню полученную в августе 1915 года телеграмму Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Мой командующий Лечицкий запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвёт авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести “алебардистов” только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года» [33, с. 60–61].

Кризис вооружения нарастал на протяжении всего 1915 года. Депутат Государственной думы В.В. Шульгин в июле поехал на фронт, в Галицию. Как офицер, а не как политический деятель «участвовал в бою, ходил вместе с солдатами в атаку... Увиденным и пережитым там я был подавлен. Солдаты были герой к герою. А вот пушек, снарядов, даже винтовок не хватало. Армия

умирала безропотно, задаром, и в ушах у меня звучало — пришлите нам снарядов» [5, с. 206, 209]. Военное ведомство не смогло обеспечить армию в достаточном количестве снарядами. О некомпетентности и равнодушии чиновников с гневом писал русский поэт Валерий Брюсов:

Пушки грохочут всё реже. О боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не всё же!

«Воевнули, чем Бог послал», — скажет думский депутат, прапорщик В.В. Шульгин [5, 210–211].

Трагизм русских солдат состоял ещё в том, что они не знали, во имя чего воюют. А.А. Брусилов пишет:

«Я несколько раз спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, а всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие сербы, не знал почти никто, кто такие славяне — было так же темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя» [35, с. 94].

Председатель думской комиссии по обороне А.И. Шингарёв вспоминал, как явившиеся в Думу с передовой офицеры-артиллеристы кричали в адрес правительства: «Мы им много раз говорили, но они ничего не делают, что же нам остаётся — стрелять по их кабинетам» [39, с. 94]. Строки из дневника офицера Балтийского флота Ренгартена:

«Мерзавцы! Мерзавцы, что они делают с моей Родиной. Могу только сказать, что наша офицерская среда открыто возмущается всем происходящим и что всё это революционизирует страну повально» [42, с. 10].

Россия запросила союзников о помощи вооружением, но запросы русского генерального штаба союзниками были оценены как чрезмерные. Посол Франции в России М. Палеолог заявил: «Зачем посылать России пушки, пулемёты, снаряды, аэропланы, если у неё нет ни возможности доставить их на фронт, ни воли воспользоваться ими» [36, с. 288]. Союзники не собирались помогать России. А ведь тот же Палеолог осаждал Николая II просьбами спасти Париж от наступающих немецких армий в августе 1914 года. Николай II помог.

Париж был спасён. Союзники же российским великодушием не страдали. Они «копили свои снаряды, как будто это были золотые франки, и с гордостью указывали на огромные запасы в резервных складах за линией фронта... На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914, и в 1915, и в 1916 годах, что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счёт своих собственных насущных нужд [43, с. 209].

1915 год стал настоящей трагедией для России, обнажив все пороки самодержавного правления. Военный министр А.А. Поливанов, выступая на заседании Совета министров в начале августа 1915 года, отметил, что надеяться сейчас на армию нельзя и он верит только «в необозримые пространства, непролазную грязь и милость святого Николая Чудотворца, покровителя Святой Руси» [36, с. 141]. Моральный дух армии смогли поддерживать только священники. С начала войны, в 1914 году, в армию было мобилизовано около 2 тысяч священников, к 1917 году их было уже (в армии и на флоте) около 5 тысяч [35, с. 182]. Священники погибали вместе с солдатами. Они шли с воинами, ободряя их простым евангельским словом, и навсегда остались на полях сражений, не разлучившись со своей паствой.

Либеральная буржуазия решила помочь царю. Летом 1915 года в Думе образовался Прогрессивный блок во главе с лидером кадетской партии П.Н. Милюковым. Это был шаг буржуазии к сотрудничеству с царём, но тот его не поддержал. Послу Англии Бьюкенену, сказавшему о доверии народа к государю, Николай II ответил: «Вы говорите, дорогой посол, о доверии народа ко мне. Не следовало ли бы скорее моему народу позаботиться о моём к нему доверии» [5, с. 225]. Это был явный разрыв монарха и общества. Царское правительство не способно было решать проблемы, связанные с нуждами страны и фронта. В ноябре 1916 года В.М. Пуришкевич писал:

«Правительство наше всё сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой, лиц, забывших о родине и помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днём... дерзают соглашаться занимать посты управления движимые честолюбием и не проникнутые сознанием

ответственности за каждый свой шаг на занимаемых постах» [44, с. 3].

Министры не справлялись с разрухой. Их стали смещать. Началась министерская чехарда. В правительстве появились люди случайные, недееспособные, такие как И.Л. Горемыкин, заместивший на посту председателя Совета министров В.Н. Коковцева. На пожелание последнего успехов в работе И.Л. Горемыкин ответил: «Какой же может быть успех, ведь я напоминаю старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана камфарой, и совершенно недоумеваю зачем я понадобился... Впрочем эту шубу, так же неожиданно уложат в сундук, как вынули из него» [30, с. 27–28].

Адвокат А.Ф. Кони сравнивал И.Л. Горемыкина с «мороженым лещом». Сам Горемыкин видел «зажжённые свечи возле своего гроба», по его выражению, но безумно верил в незыблемость основ самодержавия, за что и был ценим последним русским царём [37, с. 110–111]. Горемыкин оказался прав. За ним последовали Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трёпов, Н.Д. Голицын. За два года войны сменились четыре председателя Совета министров. Такие же кульбиты пережили министерства внутренних, военных, иностранных дел. На смену ушедшим приходили люди, не подготовленные к управлению, бездарные, безвольные. Председатель Совета министров Б.В. Штюрмер служил «старому режиму», а на новые вызовы считал себя не способным, о чём открыто говорил. О Николае II отзывался нелестно: «...на царя нельзя надеяться в решении государственных вопросов». О безразличии царя к государственным делам оставил воспоминания В.И. Гурко, заметивший, что доклады министров были для него «тяжёлой обузой», и приходилось при аудиенции их сокращать [45, с. 100–101].

Александра Фёдоровна в одном из писем императору в ставку подвергла жесточайшей критике управленцев страной и известных деятелей Думы:

«В Думе все дураки. В Ставке все идиоты. В Синоде одни только животные. Министры мерзавцы. Дипломатов наших всех надо перевешать. Сазонов дурак. Воейков — трус и дурак... Я сослала бы Львова в Сибирь... Милюкова, Гучкова и Поливанова — всех их надо тоже в Сибирь» [5, с. 238].

Каков дух презрения к этим русским! Английская королева Виктория на правах близкой родственницы (бабушка Александры Фёдоровны), когда Алекс стала императрицей России, позволила дать внучке совет: «Нет труднее нашего царского ремесла... Более сорока лет я управляю моей родной страной, знакомой мне с детства. Однако не было дня, чтобы я не размышляла над тем, как сохранить и укрепить любовь подданных. Как же тяжело тебе в чужой, незнакомой стране, где образ мыслей и они сами чужды тебе. И всё же твоя главная задача — завоевать их любовь и уважение». Ответ Алекс скорее всего удивил Викторию: «Вы ошибаетесь, добрая бабушка. Россия не Англия, здесь не нужно стараться, чтобы завоевать любовь народа. Он считает своих царей Божественными, от которых исходят все милости и блага. А петербургское общество — это величина, которой можно и пренебречь. Мнение лиц, его составляющих, не имеет никакого значения. Борьба с ними ниже моего достоинства» [2, с. 371–372]. Как ошибалась Алекс! Народ её не любил — за высокомерие.

Во второй половине 1915 года положение в стране и на фронте ещё более осложнилось. На заседании Совета министров 19 августа военный министр А.А. Поливанов заявил, что, как ни ужасно то, что происходит на фронте, «есть ещё одно, гораздо более страшное событие, которое угрожает России... Я обязан предупредить правительство, что Его Величество объявил мне о принятом решении устранить в. к. Николая Николаевича и лично вступить в командование армией» [46, с. 109]. Новость для членов кабинета была потрясающей. «Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словом, использовать все доступные нам способы, чтобы удержать его величество от бесповоротного шага», — предлагает А.В. Кривошеин. В.М. Пуришкевич с трибуны Государственной думы призывает министров ехать в Ставку, «броситься к ногам царя и заявить ему, что внутренний кризис не может дальше продолжаться, что слышен гул народного гнева, что грядёт революция» [47, с. 95]. М.В. Родзянко пишет царю: «Неужели, государь, не ясно ли, что вы добровольно отдаёте Вашу неприкосновенную особу на суд народа, а это и есть гибель России» [46, с. 110].

Не отговорили. Царь непреклонен. В письме императрице он пишет, как пришёл

к решению стать во главе войск: «Хорошо помню что когда стоял против большого образа Спасителя, наверху в большой церкви (в Царском Селе), какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня прийти к определённом решению...» [48, с. 646]. Теперь Николай II несёт полную ответственность за неминуемые грядущие поражения и ещё более роняет свой подорванный авторитет. Дворцовый комендант государя В.Н. Воейков счёл долгом обратить внимание царя на то, что, и «не вступая в личное командование армией, он является её главой» [49, с. 159].

Решение всех внутривластных вопросов император передаёт в руки Александре Фёдоровне: «Подумай, жёнушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует! Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже, или хотя бы во время войны». И жена ему отвечает: «Ты, дружок, слушай моих слов. Это не моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом помимо меня, чтобы помогать тебе» [50, с. 164]. В первый день пребывания в Ставке Николай II пишет жене: «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно» [51, с. 29]. Став верховным главнокомандующим, Николай II утратил своё центральное положение.

О вступлении царя в должность главнокомандующего отступающей армии его мать, Мария Фёдоровна, оставила в дневнике такую запись: «Я так ужаснулась, что у меня чуть не случился удар, я умоляла его не делать этого, особенно сейчас, когда всё плохо... Он совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране» [2, с. 343].

В России нарастало революционное движение. На фронтах армия терпит поражение. Царское правительство ищет выход из сложившейся ситуации. Оно полагает заключить с Германией сепаратный мир, чтобы подавить революционное движение рабочих и крестьян. Николай II не согласен. 16 декабря 1916 года он обращается к войскам с манифестом, в котором объявляет войну до победного конца: «Час мира не настал. Россия ещё не осуществила задач, поставленных этой войной — овладение Константинополем и проливами, а также восстановление свободной Польши в составе трёх её частей» [29, с. 258]. Вот когда русские солдаты поняли, за что они воюют и будут воевать до победы.

Не учитывалось, что армия была плохо вооружена и потеряла веру в победу. Солдаты отказывались выполнять приказы, не шли в наступление, дезертировали. В 1916 году русская армия насчитывала более полутора миллионов дезертиров. Страх перед начальством исчез. В письме домой один из солдат писал:

«В батальоне на приказ начальника все роты отказались идти в атаку, крича: “давай есть, одевай, обувай, а то воевать не будем или все пойдём в плен”. Два батальона одного полка нашей дивизии целиком пошли в плен, добровольно... Да как не забастовать — ходят чуть ли не босые, голодные и холодные, даже смотреть — душа сжимается» [38, с. 51].

Такая армия не могла решать стратегических задач новоявленного главнокомандующего. Она разлагалась. Да и руководители русской армии не стали защищать самодержавия. Они убедились в полной неспособности царского правительства руководить вооружённой борьбой и обеспечить победу. М.В. Родзянко как-то обратился к в. к. Николаю Николаевичу: «Воюет весь народ, и весь народ восстанет в случае неудачной войны, если вся пролитая кровь была напрасной. Народ показал себя достойным своей великой Родины, зато царское правительство совсем недостойно России» [41, с. 7]. Армия превратилась во враждебную силу существующего строя. На вопрос Николая II, даст ли командующий Северным фронтом приказ стрелять в рабочих Петрограда, если они выйдут на улицу, генерал ответил: «Нет» — «Почему?» — спросил удивлённый царь. — «Потому, что солдаты откажутся стрелять», — заявил командующий [4, с. 364].

Дух войск зависел от социальных и политических порядков в стране, условий существования основной массы населения, от понимания и одобрения солдатами целей войны, чего впервые не наблюдалось в царской армии. Случилось то, чего опасалось правительство, русский солдат стал изменять вековой привычке бесстрашно сражаться за царя и Отечество, которые не давали ему ничего взамен, кроме смерти в бою.

В 1916 год Россия вступила с ослабленной экономикой. «Финансы расстроены, товарооборот нарушен, производительность — на громадную убыль; пути сообщения — в полном расстройстве. На железной дороге ужасающий

беспорядок; остановилась землеобрабатывающая промышленность. Дороговизна товаров и общее недовольство». К тому же постоянные наборы в армию. В стране наблюдался «громкий недостаток рабочей силы. Опора самодержавия «армия устала, недостатки всего покинули её дух и это не ведёт к победе», — так оценил состояние России в 1916 году министр внутренних дел А.Д. Протопопов [52, с. 148–149].

Экономический кризис поразил все отрасли экономики. В декабре 1916 года правительство ввело продразвёрстку. Хлеб взять у крестьян не удалось. Охранка отмечала:

«Матери семей, изнурённые бесконечным стоянием в хвостах у лавок, страдавшие при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем господа Милюковы и К^о, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собой тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар» [53, с. 27].

В крупных торгово-промышленных центрах на продукты и товары первой необходимости цены выросли в 4–5 раз по отношению к довоенному времени. Упал подвоз хлеба в столице. Длинные очереди за хлебом, но не всем он доставался и к тому же дорожал. «В дни кризиса напряжение масс доходит в Москве до такой степени, что приходится ожидать, что это напряжение может вылиться в ряд тяжёлых эксцессов». О том же стражи порядка доносят и из других городов. Начальник пермской жандармерии сообщает, что «умы встревожены, не достаёт только лишь толчка, чтобы возмущённое дороговизной население перешло к открытому возмущению». Эти донесения октября 1916 года, а уже в январе-феврале 1917 года очереди за продовольствием стали «равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций» [54, с. 7]. Продовольственный вопрос заставляет обывателя «ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, нецензурными выражениями» [42, с. 8]. В 1917 году страна оказалась на краю голода.

Не в лучшем положении находилась промышленность. Недостаток топлива, сырья приводил к закрытию или приостановке предприятий. По этой причине уже в декабре 1916 года в Петрограде приостановили рабо-

ту 49 предприятий. Из 174 доменных печей, имевшихся в стране, на полную мощность работали только 75 [55, с. 154]. Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко общал царю в Ставку:

«Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и металла. Рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неуправляемой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве... Производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумных распоряжений властей, не везёт зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встаёт во весь рост перед армией и населением» [56, с. 291].

И не только. Возник мясной вопрос. Мясо для армии заготавливалось, но его негде было хранить. М.В. Родзянко сообщает о вопиющей халатности чиновников: «На холодильники денег не давали — мясо гнило. Министерства не могли между собой договориться. Интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Виновников, конечно, не нашлось, так как один сваливал на другого, а все вместе на общую бесхозяйственность» [41, с. 156]. Управленческая рать ничего не боялась, да никто с чиновников ничего и не спрашивал.

«Страна была пьяна горем. Война пожирает людей, хлеб, скот. Сорные травы заготавливали брошенные поля, бураны засыпали поваленные осенним ветром необработанные хлеба. Отказывала промышленность — не хватало топлива, сырья, рабочих рук. Закрывались фабрики и заводы. Отказывал транспорт. Лабызы Сибири и Туркестана были засыпаны зерном, но вывозить его было нечем. Оно горело. А в калмыцких и казахстанских степях под открытым небом были навалены горы заготовленного для армии мяса, на мясе наклеивался червь, собаки устраивали в мясе гнёзда и выводили щенят... Над миром стлалась погребальная пелена. Но в напоённой кровью земле зрели зёрна гнева и мести» [57, с. 5, 10].

Так описал то время Николай Иванович Кочуров (Артём Весёлый) в книге «Россия, кровью умытая». Удивительно то, что писатель и политик практически повторили друг друга в оценке российской действительности.

К началу 1917 года возмущение режимом достигло своей кульминации. Даже такой представитель правых кругов, как В. Маклаков, заявил, что «Россия единодушна в одном — в жгучей ненависти к правительству» [58, с. 126]. Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко предупреждает царя: «Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надёжного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, остались только те, которые пользуются дурной славой» [59, с. 423]. 10 февраля 1917 года М.В. Родзянко была дана последняя «высочайшая аудиенция». О плохом экономическом положении страны, снабжении продовольствием армии и городов, об ужасном настроении в стране и возможной революции — таких доводов царь не принял: «Не согласен с вами. Мне всё известно, что надо знать». Родзянко продолжал убеждать царя: «Вы, ваше величество, со мною не согласны... будет такая революция, которую ничто не удержит... Нельзя так шутить народным самолюбием и народной волей, как шутят те лица, которых вы ставите... Вы пожнётё, государь, то, что посеяли». Закончил свой визит к царю М.В. Родзянко словами: «Мы молим вас, государь... Бьёт двенадцатый час, и слишком близко время, когда всякое обращение к разуму народа станет запоздалым и бесполезным» [60, с. 42–43].

Не подействовал на царскую чету и «тяжёлый» разговор в. к. Александра Михайловича, который, обращаясь к Николаю II, сказал: «Я хочу, чтобы вы поняли, что все классы населения России настроены к вашей политике враждебно; а ваше вмешательство в дела управления, обращение к царице, приносит вред престижу Ники и народному представлению о самодержавии...». Александра Фёдоровна ссылается, что Ники — самодержец и не может делить ни с кем «свои божественные права». На что великий князь даёт потрясающе правдивый ответ:

«Вы ошибаетесь, Алекс, ваш супруг перестал быть самодержцем 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о его “божественных правах”. Теперь это, увы, слишком поздно! Быть может, через два месяца в России не останется камня на камне, чтобы напоминать

нам о самодержцах, сидевших на троне наших предков... Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас! Разве все мы должны страдать за ваше слепое безрассудство! Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников в пропасть» [61, с. 340–341].

Ответ-предсказание. Но он не был услышан Николаем II. А в стране близилась революционная буря. Январь 1917 года в Петрограде отмечен забастовками в память жертв Кровавого воскресенья 1905 года. Число политических стачек возросло и составило 60 процентов [55, с. 160]. В этом месяце в стране прошло 400 стачек, в которых участвовало более 270 тысяч человек.

В Петербурге массовые забастовки начались в феврале 1917 года. М.В. Родзянко телеграфирует царю: «Положение серьёзное... Правительство парализовано... На улицах беспорядочная стрельба... Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Всякое промедление смерти подобно». Не верит царь председателю Думы и не скрывает этого, говоря приближённым: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему даже отвечать не стану» [62, с. 415]. Председатель Совета министров Н.Д. Голицын также умоляет царя пойти на уступки общественному мнению и поручить составить новый кабинет министров ответственным лицам — или князю Г.Е. Львову, или М.В. Родзянко. О том же в телеграмме просил и в. к. Михаил Александрович. Ответ царя один: он знает, как надо поступать. Окружение царя склоняется к мысли об ответственном министерстве, но император настаивает на политике репрессий и «подавления». Он остаётся приверженцем неограниченной самодержавной власти.

Ряд генералов, в том числе М.В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего; Н.В. Рузский, командующий Северным фронтом, и многие другие просили Николая II уступить Государственной думе, то есть, перейти к формуле «государь царствует, а правительство управляет». «Не знаю — ответил царь, — эта формула мне непонятна. Видите ли, надо было бы быть иначе воспитанным, чтобы её принять, или переродиться что ли?» [60, с. 226]. Николай II был воспитан в убеждении о божественном происхождении самодержавной власти. Поэтому этот вариант

был не для него. И всё же царь вынужден был дать стране «ответственное министерство» во главе с М.В. Родзянко, но эта уступка запоздала. Тот же Родзянко телеграфирует в Ставку: «Настала одна из страшнейших революций... династический вопрос поставлен ребром» [55, с. 205]. Опора царя — армия — ему уже не служила защитой. «К февралю 1917 года вся армия — на одном фронте больше, на другом меньше — была подготовлена к революции», — считал бывший главком Юго-Западного фронта А.А. Брусилов [55, с. 156].

Николай II узнал, что все войска в столице перешли на сторону восставших. Более того, он получил семь телеграмм от в. к. Николая Николаевича, генерала М.В. Алексева и от командующих фронтами. Все они настаивали на отречении царя от престола. Царю пришлось согласиться и на это. Он отрёкся не в пользу сына, хотя первый вариант отречения это предусматривал, а передал престол брату Михаилу. Акт отречения был незаконным. Здесь нет разногласий в среде историков. Николай мог отречься только за себя, но не имел права отречься за сына. Этим он нарушил манифест о престолонаследии. Заменяя сына братом, царь понимал, что делал, надеясь, что со временем всё успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно. Царь использовал все возможности для сохранения самодержавного строя. Не вышло. От самого царя отреклись почти все,

даже церковь, руководителем которой он был.

Флигель-адъютант царя А. Мордвинов в день отречения Николая II от престола описал своё шоковое состояние:

«В этот ужасный день 2 марта 1917 года мне пришлось быть последним дежурным флигель-адъютантом не только при русском императоре, но и при моём государе. Помню, я уткнулся в те часы в угол, моего вагонного купе, ни о чём не думал, а лишь повторял: “Теперь конец... Конец всему”» [63, с. 56].

Однако сам А. Мордвинов, подобно многим из свиты, не последовал за бывшим императором, изменив ему в тяжёлый момент его жизни.

Монархия в России пала, её никто не защищал. От Николая Романова ушли, как от «пустого места». Об отречении сына сообщил императрице, Марии Фёдоровне, в. к. Александр Михайлович. Он присутствовал и на последней встрече Николая с матерью: «Когда я вошёл, Мария Фёдоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги, и, конечно, курил. Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать» [61, с. 341]. Николай остался верен словам, сказанным им ещё в юношеские годы: «Всё в воле Божьей. Уповаю на его милосердие и спокойно, покорно смотрю в будущее».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кряжев Ю.Н. Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997.
2. Чижова И. Возлюбленный образ, с душой неразлучный. М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2009.
3. Мережковский Д.С. Соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1.
4. Шацилло К.Ф. Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, революция. Очерки истории России IX – начала XX в. М. : Политиздат, 1991.
5. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз ; 3-е изд. М. : Мысль, 1992.
6. Отечественные архивы. 1996. № 3.
7. Кушнир А.Г. Первое тысячелетие Руси – России. История русского государства в документах и комментариях. М. : РИ-ПОЛ классик, 1999. Т. 2.
8. Первая российская. Справочник о революции 1905–1907 гг. М. : Политиздат, 1985.
9. Игнат'ев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989.
10. Передерин В. Потерявшие Россию // Советская Россия. 1993. 4 фев.

REFERENCES

1. Kryazhev Yu.N. Nikolaj II kak voenno-politicheskij deyatel' Rossii. Kurgan, 1997.
2. Chizhova I. Vozlyublennyy obraz, s dushoj nerazluchnyj. M. : Eksmo; SPb. : Midgard, 2009.
3. Merezkovskij D.S. Soch. : v 4 t. M., 1990. T. 1.
4. Shacillo K.F. Nikolaj II: reformy ili revolyuciya // Istoriya Otechestva: lyudi, idei, revolyuciya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala HKH v. M. : Politizdat, 1991.
5. Kasvinov M.K. Dvadcat' tri stupeni vniz ; 3-e izd. M. : Mysl', 1992.
6. Otechestvennye arhivy. 1996. № 3.
7. Kushnir A.G. Pervoe tysyacheletie Rusi – Rossii. Istoriya russkogo gosudarstva v dokumentah i kommentariyah. M. : RI-POL klassik, 1999. T. 2.
8. Pervaya rossijskaya. Spravochnik o revolyucii 1905–1907 gg. M. : Politizdat, 1985.
9. Ignat'ev A.V. S.Yu. Vitte — diplomat. M., 1989.
10. Perederin V. Poteryavshie Rossiyu // Sovetskaya Rossiya. 1993. 4 fev.

11. Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л.: Лениздат, 1990.
12. Комсомольская правда. 1965. 16 фев.
13. Гарбуз О. «Нужно уничтожить, порвать петлю» // Отечественные записки. № 79 ; Красный путь. 2005. 30 нояб.
14. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация : в 2 т. М., 1996. Т. 1.
15. Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.) М., 1992.
16. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991.
17. Отечественные архивы. 1993. № 4.
18. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 49 об.
19. Гучков А.И. рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 9–10.
20. Сусанин. 1910. 15 фев.
21. Революционное движение 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, Б.И., 1955.
22. Степной край. 1905. 29 нояб.
23. ГАРФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 68. Л. 61.
24. Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 кн. Кн. 1. М., 1990.
25. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991.
26. Новиков С.В. Революционеры, охранка, провокация. 1887–1917. Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. С. 135–138.
27. Гражданин. 2002. № 3, фев.
28. ГАРФ ДП. ОО. Ф. 522. Оп.1. Д. 4. Л. 4.
29. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
30. Кокорцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М. : Современник, 1991.
31. История первой мировой войны. 1914–1918 : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1975.
32. Такман Барбара. Первый блицкриг. Август 1914. М., 1999.
33. Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М. : Элакос, 1994.
34. Федорченко С. Народ на войне. М. : Советский писатель, 1990.
35. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
36. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск : Русич, 2000.
37. Алексеева И.В. Агония сердечного соглашения. 1914–1917. Л. : Лениздат, 1990.
38. История гражданской войны в СССР. М. : ОГИЗ, 1936. Т. 1.
39. Дуршмид Э. Победы, которых могло не быть. М. : АСТ, 2000.
40. Передерин В. Потерявшим Россию // Советская Россия. 1998. 4 фев.
41. Родзянко М.В. Крушение империи. М. : Скифы, 1991.
42. Так мы начинали. М. : Известия, 1988.
43. Первая мировая. История Отечества в романах, повестях, документах. Век ХХ. М., 1989.
44. Пуришкевич В.М. Из дневника В.М. Пуришкевича. Убийство Распутина. М. : Интерпринт, 1990.
45. Отечественные архивы. 1993. № 2.
11. Lur'e F.M. Hraniteli proshlogo. Zhurnal «Byloe»: istoriya, redaktory, izdateli. L. : Lenizdat, 1990.
12. Komsomol'skaya pravda. 1965. 16 fev.
13. Garbuz O. «Nuzhno unichtozhit', porvat' petlyu» // Otechestvennye zapiski. № 79 ; Krasnyj put'. 2005. 30 noyab.
14. Politicheskaya istoriya: Rossiya – SSSR – Rossijskaya Federaciya : v 2 t. M., 1996. T. 1.
15. Stepanov S.A. CHyornaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.) M., 1992.
16. Kurlov P.G. Gibel' imperatorskoj Rossii. M., 1991.
17. Otechestvennye arhivy. 1993. № 4.
18. GARF. F. 115. Op. 1. D. 45. L. 49 ob.
19. Guchkov A.I. rasskazyvaet // Voprosy istorii. 1991. № 9–10.
20. Susanin. 1910. 15 fev.
21. Revolyucionnoe dvizhenie 1905–1907 gg. v Tomskoj gubernii. Tomsk, B.I., 1955.
22. Stepoj kraj. 1905. 29 noyab.
23. GARF. F. 19. Op. 1. D. 68. L. 61.
24. Milyukov P.N. Vospominaniya (1859–1917) : v 2 kn. Kn. 1. M., 1990.
25. Avrekh A.YA. P.A. Stolypin i sud'ba reform v Rossii. M., 1991.
26. Novikov S.V. Revolyucionery, ohranka, provokaciya. 1887–1917. Omsk : Izd-vo OmGAU, 2002. S. 135–138.
27. Grazhdanin. 2002. № 3, fev.
28. GARF DP. OO. F. 522. Op.1. D. 4. L. 4.
29. Paleolog M. Carskaya Rossiya nakanune revolyucii. M., 1991.
30. Kokovcev V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1911–1919. M. : Sovremennik, 1991.
31. Istoriya pervoj mirovoj vojny. 1914–1918 : v 2 t. T. 1. M. : Nauka, 1975.
32. Takman Barbara. Pervyj blickrig. Avgust 1914. M., 1999.
33. Portugal'skij R.M., Alekseev P.D., Runov V.A. Pervaya mirovaya v zhizneopisaniyah russkih voenachal'nikov. M. : Elakos, 1994.
34. Fedorchenko S. Narod na vojne. M. : Sovetskij pisatel', 1990.
35. Porshneva O.S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2004.
36. Utkin A.I. Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. Smolensk : Rusich, 2000.
37. Alekseeva I.V. Agoniya serdechnogo soglasiya. 1914–1917. L. : Lenizdat, 1990.
38. Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR. M. : OGIz, 1936. T. 1.
39. Durshmid E. Pobedy, kotoryh moglo ne byt'. M. : AST, 2000.
40. Perederin V. Poteryavshim Rossiyu // Sovetskaya Rossiya. 1998. 4 fev.
41. Rodzyanko M.V. Krushenie imperii. M. : Skify, 1991.
42. Tak my nachinali. M. : Izvestiya, 1988.
43. Pervaya mirovaya. Istoriya Otechestva v romanah, povestyah, dokumentah. Vek HKH. M., 1989.
44. Purishkevich V.M. Iz dnevnika V.M. Purishkevicha. Ubijstvo Rasputina. M. : Interprint, 1990.
45. Otechestvennye arhivy. 1993. № 2.

46. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. М. : Молодая гвардия, 1914. С. 109.
47. Палеолог Морис. Распутин: Воспоминания бывшего французского посла в России. М. : СП «Вся Москва», 1990.
48. Тальберг Н.Д. Русская быль. Очерки истории императорской России. М., 2000.
49. Воейков В.Н. С царём и без царя. М., 1995.
50. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М. : Воскресенье, 1999.
51. Старцев В.И. 27 февраля 1917. М. : Молодая гвардия, 1989.
52. Кушнир А.Г. Первое тысячелетие Руси – России. История русского государства в документах и комментариях. М. : РИПОЛ классик, 1999. Т. 2.
53. Ненароков А.П. 1917. Октябрь: краткая история, документы, фотографии. М. : Политиздат, 1976.
54. История Отечества в документах : хрестоматия для учащихся. М., 1994. Ч. I.
55. Исторический опыт трёх российских революций. М. : Политиздат, 1985. Кн. 1.
56. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1998.
57. Весёлый А. Россия, кровью умытая : роман / Фрагмент. М. : Воениздат, 1990.
58. Эренфельд Б.К. Тяжёлый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М. : Политиздат, 1983.
59. История России в портретах : в 2 т. Смоленск, 1996. Т. 1.
60. Старцев В.И. 27 февраля 1917. М. : Молодая гвардия, 1989.
61. Пчёллов Е.В. Романовы. История династии. М., 2002.
62. Черкасов П.П. Чернышевский Д.В. История императорской России. От Петра Великого до Николая II. М. : Международные отношения, 1994.
63. Отечественные архивы. 1993. № 3.
46. Yakovlev N.N. 1 avgusta 1914 g. M. : Molodaya gvardiya, 1914. S. 109.
47. Paleolog Moris. Rasputin: Vospominaniya byvshego francuzskogo posla v Rossii. M. : SP «Vsyaya Moskva», 1990.
48. Tal'berg N.D. Russkaya byl'. Ocherki istorii imperatorskoj Rossii. M., 2000.
49. Voejkov V.N. S caryom i bez carya. M., 1995.
50. Bohanov A.N. Sumerki monarhii. M. : Voskresen'e, 1999.
51. Starcev V.I. 27 fevralya 1917. M. : Molodaya gvardiya, 1989.
52. Kushnir A.G. Pervoe tysyacheletie Rusi – Rossii. Istoriya russkogo gosudarstva v dokumentah i kommentariyah. M. : RIPOL klassik, 1999. T. 2.
53. Nenarokov A.P. 1917. Oktyabr': kratkaya istoriya, dokumenty, fotografii. M. : Politizdat, 1976.
54. Istoriya Otechestva v dokumentah : hrestomatiya dlya uchashchih'sya. M., 1994. CH. I.
55. Istoricheskij opyt tryoh rossijskih revolyucij. M. : Politizdat, 1985. Kn. 1.
56. Otrechenie Nikolaya II. Vospominaniya ochevidcev. M., 1998.
57. Vesolyj A. Rossiya, krov'yu umytaya : roman / Fragment. M. : Voenizdat, 1990.
58. Erenfel'd B.K. Tyazhyolj front: Iz istorii bor'by bol'shevikov s carskoj tajnoj policiej. M. : Politizdat, 1983.
59. Istoriya Rossii v portretah : v 2 t. Smolensk, 1996. T. 1.
60. Starcev V.I. 27 fevralya 1917. M. : Molodaya gvardiya, 1989.
61. Pchyolov E.V. Romanovy. Istoriya dinastii. M., 2002.
62. Cherkasov P.P. Chernyshevskij D.V. Istoriya imperatorskoj Rossii. Ot Petra Velikogo do Nikolaya II. M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994.
63. Otechestvennye arhivy. 1993. № 3.

Георгий Арсентьевич Порхунув — доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета; slava2745@mail.ru.

Porkhunov Georgiy Arsentievich — Doctor of Historical Sciences, Professor at Omsk State Pedagogical University; slava2745@mail.ru.